

Психоанализ вне клиники: перспектива психосоциальных исследований

Н.П. БУСЫГИНА *,
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия,
boussyguina@yandex.ru

В статье предлагается анализ нового исследовательского направления, известного как психосоциальные исследования. Данное направление объединяет исследователей и практиков из различных областей знания. По мнению автора, исторически огромную роль в становлении психосоциальных исследований сыграло обращение сторонников качественной методологии к психоанализу. Психоанализ при этом был переосмыслен как один из вариантов социокритической мысли, изучающий, как режимы власти, типы эксплуатации и другие макросоциальные характеристики порождают определенные режимы психического функционирования, и сами в свою очередь поддерживаются ими. В статье приводятся примеры психосоциальных исследований, в которых используются идеи психоанализа. Обсуждаются такие вопросы, как психологическое инвестирование социальных дискурсов, социальный уровень бессознательного. Автор показывает, что для сторонников психосоциальных исследований психоанализ становится той теоретической платформой, которая позволяет переосмыслить отношения психологического и социального и наметить путь преодоления традиционного дуализма «внутреннего» и «внешнего».

Ключевые слова: психосоциальные исследования, социальная критика, качественная методология, психоанализ, социальное измерение бессознательного.

О таком тренде, как психосоциальные исследования (или исследования в области психосоциального), заговорили в 1990-е гг. С конца 2000-х гг. издается специальный журнал психосоциальных исследований, а в 2013 г. в Лондоне была

создана одноименная ассоциация. На сайте ассоциации сформулирована ее общая цель: сформировать новое понимание взаимосвязей между социальным, культурным и психологическим уровнями смыслообразования, переживания и

Для цитаты:

Бусыгина Н.П. Психоанализ вне клиники: перспектива психосоциальных исследований // Социальная психология и общество. 2018. Т. 9. № 3. С. 31–41. doi:10.17759/sps.2018090304

* Бусыгина Наталья Петровна — кандидат психологических наук, доцент, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), Москва, Россия, boussyguina@yandex.ru

опыта в различных контекстах. Данное направление характеризуется его сторонниками как меж- и даже трансдисциплинарное исследовательское поле, оно объединяет исследователей, преподавателей, практиков и студентов из различных областей знания. Ассоциация организует конференции, семинары и мастерские, посвященные исследованию широкого круга психосоциальных феноменов и явлений. Сторонники обсуждаемого исследовательского направления настаивают на преодолении узких дисциплинарных границ между отдельными социальными и гуманитарными науками и формировании новых предметных фокусов и нового — трансдисциплинарного — теоретического и методологического инструментария для решения актуальных проблем современности.

Сегодня идут споры по поводу того, как называть то, что стало институционализироваться в качестве специфического исследовательского направления. Термин «психосоциальный» часто применяется в самых различных контекстах (вспомним хотя бы известный биопсихосоциальный подход к изучению соматических и психических заболеваний, где биологическое, психологическое и социальное мыслятся в качестве различных уровней, взаимосвязанных друг с другом) и не обладает тем специфическим смыслом, который ему пытаются придать участники ассоциации, настаивающие на преодолении дихотомии психологического и социального. Тем не менее к настоящему времени закрепился именно данный термин — он представлен в названии и ассоциации, и журнала, и первых монографических сборников и учебных пособий. Некоторые авторы настаивают на написании через дефис — «психосоциальные исследования», обосновывая

свою позицию необходимостью подчеркнуть двустороннюю направленность интереса — на социальное окружение и психологические реалии одновременно. Однако большее распространение получило слитное написание — «психосоциальные исследования», по мнению его сторонников в большей мере отвечающее попыткам новых концептуализаций неразрывной связи психологического и социального, «внутреннего» и «внешнего», для выражения которой часто прибегают к образу ленты Мебиуса.

Одним из теоретических интерпретативных каркасов, на которых базируется направление психосоциальных исследований, является психоанализ. Возможно, исторически именно обращение к психоанализу в рамках движения качественных исследований ознаменовало собой рождение перспективы психосоциальных исследований. В целом, безусловно, теоретические основания исследований в области психосоциального не ограничиваются психоанализом. В настоящее время продолжается дискуссия, насколько вообще ориентация на психоанализ должна восприниматься как неотъемлемая часть психосоциальных исследований [19]. И тем не менее можно заметить, что проводимые исследования нередко ориентируются на мышление, открытое психоанализом, правда, сам психоанализ зачастую переосмысливается как одно из направлений социокритической мысли, позволяющее понять, как режимы власти, типы эксплуатации и другие макро-социальные характеристики общества тесно переплетаются с порождаемыми и поддерживаемыми ими режимами психического функционирования, как формируется «психика власти», привязанность к собственному подчинению и как процессы, происходящие на психологи-

ческом уровне, инвестируют макросоциальные дискуссии.

Критика использования психоанализа в психосоциальных исследованиях связана в основном с двумя принципиальными моментами. Во-первых, психоанализ задает особую позицию исследователя — привилегированную позицию эксперта, имеющего доступ к истине, позицию субъекта, предположительно знающего о том, что творится во «внутреннем мире» собеседника, лучше, чем тот знает себя. Для социокритических подходов, к которым можно отнести и направление психосоциальных исследований, психоанализ выглядит политически консервативным и даже авторитарным из-за неравномерного распределения власти между аналитиком/исследователем и анализантом/исследуемым. Во-вторых, психоанализ — дисциплина, возникшая в русле психологической практики, его теоретический аппарат разрабатывался прежде всего для нужд клиники — психоаналитического кабинета с его особой «экологией», специфическими устройством и отношениями между участниками. Соответственно, перенесение психоаналитических идей на более широкие области, например на отношения интервьюера и интервьюируемого, выглядит по меньшей мере необоснованным.

Однако оба пункта критики могут быть отчасти сняты благодаря прояснению того, как именно использовать психоанализ. Всегда ли обращение к психоанализу влечет за собой перекося власти и требует с необходимостью занятия привилегированной позиции знающего субъекта? С. Фрош [11] показывает, что ядром психоаналитической позиции является систематическое сомнение, а не претензии на открытие окончательной истины бессознательного, которая якобы

доступна исследователю. Вообще, приписывание психоанализу экспертной позиции — это скорее искажения в понимании психоанализа, чем его собственное слабое звено. Похожим образом дело обстоит и со вторым пунктом критики. Речь должна идти не вообще о невозможности перенесения психоаналитических идей за пределы психоаналитического кабинета — по факту такое происходит уже давно и вполне эвристично, — а о том, как именно это делать.

Знаковым для оформления психоаналитического модуса в психосоциальных исследованиях стал выход в 2000 г. книги В. Холлуэй и Т. Джефферсона «Иной подход в качественных исследованиях: свободные ассоциации, нарратив и метод интервью» [16]. Авторы обосновывали ограниченность так называемых традиционных качественных подходов тем, что в них принято допущение о прозрачности респондентов для самих себя, как если бы люди обладали некоей полнотой знания своего внутреннего мира. Однако, пишут В. Холлуэй и Т. Джефферсон, такое допущение противоречит даже повседневным представлениям о сложности и противоречивости человеческой натуры. Взамен модели прозрачного субъекта авторы предложили обратиться к модели человека, близкой той, которую отстаивает психоанализ, — модели защищающегося субъекта, в которой принят во внимание тот факт, что, строя рассказы, человек склонен прибегать к всевозможным защитам от тревоги и других негативных аффектов. В книге предложен метод нарративного интервью, основанного на свободных ассоциациях, а также особый способ анализа, базирующийся на дизайне отдельных случаев и вскрывающих интерпретативных техниках. Именно так авторы исследовали

рассказы респондентов об увеличении количества преступлений, небезопасности жизни и боязни нападений. Собранные в интервью некоторые биографические материалы, касающиеся их респондентов, В. Холлуэй и Т. Джефферсон высказали гипотезу, что выражаемая их собеседниками боязнь оказаться жертвой уличного преступления является замещением других тревог, имеющих отношение к индивидуальным особенностям жизни каждого из них и сложившимся специфическим типам психологических защит. Производя рассказы о преступлениях и поддерживая имеющиеся дискурсы, относящиеся к усилению наказания за преступления, люди тем самым защищаются от глобальной тревоги неопределенности, порождаемой самой социальной ситуацией их жизни [16]. Таким образом, книга В. Холлуэй и Т. Джефферсона становится одной из первых, в которых идеи психоанализа используются для понимания того, как социальные дискурсы и нарративы получают психологическую поддержку.

В приведенной работе В. Холлуэй и Т. Джефферсона, как и в более поздней книге В. Холлуэй [15], посвященной материнской идентичности, авторы ориентируются на вариант психоанализа, близкий теории объектных отношений. Помимо уже упомянутой критики экспертной позиции исследователя, разгадывающего «истинное» содержание рассказов, этот вариант психоанализа в психосоциальных исследованиях критикуется за выраженный акцент на индивидуальном: «истина» выводится из индивидуальной биографии, особенностей отношений с первичными объектами и т. п. В такой перспективе социальное становится производным от индивидуального, социальные проблемы выводят-

ся из индивидуальной патологии и/или дефицитарности. Однако психоаналитически ориентированное разгадывание содержания бессознательных желаний и опасений вовсе не обязательно предполагает подобный акцент на индивидуальном. Вполне возможно анализировать бессознательную психодинамику на уровне социального. В этом смысле показательны исследования психологических детерминант действенности идеологических дискурсов, базирующиеся на переплетении позиций неомарксизма и психоанализа.

Согласно Л. Альтюссеру [1], идеология представляет не реальные отношения индивидов с социальным миром, а воображаемые, она говорит нечто не об объекте, а о субъекте, о его потребностях, желаниях, страхах. Для пояснения альтюссеровского понимания идеологии Р. Пфаллер [6] обращается к примеру, описанному З. Фрейдом в «Толковании сновидений». Разбирая сон, в котором спящий видит разбойников и испытывает страх, З. Фрейд замечает, что разбойники нереальны, но страх реален. Идеология работает подобно сну, который может лгать о разбойниках, но говорит правду о страхе: она представляет образ или идею, отвечающие определенному эмоциональному состоянию, как бы дает базу желаниям и/или опасениям. Такой «психосоциальный» механизм идеологии позволяет понять, почему идеологические представления столь устойчивы. Например, напрасно приводить какие угодно рациональные аргументы в пользу того, что мигранты не представляют опасности для коренных жителей ни в экономическом, ни в культурном смысле. Идеологическая конструкция об опасности мигрантов такова, что ее содержание иллюзорно, но страх, который

стоит за ней, вполне реален. Р. Пфаллер подчеркивает, что сегодня есть большой круг людей, которые боятся, что будут деклассированы. Идеология предлагает страх на уровне воображаемого в том месте, где людям проще всего его воспринять, — по отношению к более слабой группе, мигрантам. Воображаемое отношение связывает страх с мигрантами, но не мигранты породили этот страх [6]. Как можно видеть, описанный в психоанализе механизм смещения привлекается так, что речь не идет ни об индивидуальных особенностях защитных механизмов, ни об индивидуальной дефицитарности личности. Режим эмоционального функционирования (страх деклассирования) связывается с особенностями социальной ситуации.

Еще более показательны исследования режимов психического функционирования представителей социально-экономических классов [17; 20]. В ряде исследований демонстрируется, как ядром эмоционального профиля бедности становится стыд [7]. Психодинамика стыда включается в общие структуры неравенства, поддерживая существующий социальный порядок. Из психоанализа заимствуется представление о бессознательном стыде, который переживается человеком в замещенной форме, когда, избегая боли и защищаясь от нее, человек демонстрирует гнев или подавленность. В системах воспитания и образования, а также на уровне макросоциальных дискурсов происходит воспроизводство гордости в одних социальных слоях и стыда и униженности в других. Люди из низших слоев вынуждены жить в условиях структурного унижения: они как будто сами виноваты в своей бедности, им приходится испытывать хроническое чувство стыда, часто принимающее

замещенные формы. В итоге стыд способствует воспроизводству неравенства через пассивность, самообвинения и молчание и может переродиться в негодование, ярость, немотивированную агрессию, но не в публичном мире, а в мире приватном, когда вместо классовых выступлений и борьбы за свои права люди демонстрируют агрессивные выяснения отношений в личной сфере [7].

Интересной методологической платформой психосоциальных исследований становится соединение идей дискурсивной психологии и психоанализа [3]. Как подчеркивает С. Фрош с соавторами [13], в психоанализе теряется важнейшее открытие, сделанное социальным конструкционизмом и дискурсивной психологией, — перформативный характер языка в процессе конструирования идентичности. Вместе с тем, по их мнению, дискурсивная психология не в состоянии предложить адекватный концептуальный инструментарий для объяснения, почему все же люди склонны занимать те или иные субъектные позиции в дискурсе, психоанализ же ближе всего подходит к проблеме эмоционального инвестирования дискурсов [13]. Исследования идентичности, проводимые С. Фрошем с соавторами, разбиваются на две части: в первой исследователи пытаются уловить, при помощи каких дискурсивных стратегий конструируется идентичность, уловить субъектные позиции в дискурсе, а на втором этапе, применяя психоаналитическую интерпретативную рамку к биографическому материалу, они выясняют, что стоит за дискурсами, какие потребности они обслуживают и какой формой наслаждения поддерживаются. Например, в исследовании, посвященном мужской идентичности мальчиков-подростков, авторы отслеживают,

что за выбором позиции не-гегемонной маскулинности одним из мальчиков (позиции «быть с девочками») и использованием им соответствующих дискурсивных ресурсов, отсылающих к образу так называемого нового мужчины (new man) — недоминантного, дипломатичного, эмоционального, не мачо, не любящего футбол и т. п., — могут стоять выраженные переживания потери, исключения и тревоги, и выбираемая дискурсивная позиция является попыткой при помощи имеющихся культурных средств справиться с могущественными бессознательными конфликтами [13].

Почему те или иные социальные дискурсы получают поддержку? Каким образом та или иная социальная позиция получает в обществе приоритет, на какую психологическую динамику она опирается и какие переживания она эксплуатирует? Это вопросы, на которые пытаются ответить авторы психосоциальных исследований, обращающиеся к психоанализу. Немецкие исследователи С. Маркс и Х. Мених-Маркс попытались понять, почему многие люди не просто толерантно относились к нацизму, но и даже активно поддерживали его [18]. Исследование

интересно также тем, что в нем используется психоаналитическая идея переноса и контрпереноса и ставится вопрос о ее переосмыслении применительно к ситуации исследования¹. В содержании взятых ими интервью не было ничего особенного: например, люди вспоминали, что после прихода к власти нацистов их семьи стали лучше жить, у отца не было работы, а теперь он ее получил и т. п. Однако исследователи обратили внимание на эмоциональную реакцию, которую испытали они все: чувство раздавленности, опустошенности, сломленности, стыда, многим казалось, что они буквально провалили интервью. Исследователи прочитали свою реакцию как контрпереносный ответ и выдвинули гипотезу о цикле виктимизации, когда чувство стыда перекладывается с палача на жертву по механизму проективной идентификации: возможно, в процессе беседы интервьюируемые бессознательно защищались от собственного комплекса стыда, своим поведением провоцируя его в интервьюере. На основании анализа собственных реакций как реакций контрпереноса исследователи сформулировали ключевую, хотя и латентную тему, непосредственно свя-

¹ К идее переноса/контрпереноса обращаются В. Холлзэй и Т. Джефферсон [15; 16]. Они анализируют свои эмоциональные реакции на собеседников, понимая их как контрпереносный ответ на бессознательную психологическую динамику тех, кого они исследуют. Однако в психоанализе именно пациент — тот, кто приходит к психоаналитику, тот, кто является носителем желания и связанных с ним фантазий относительно аналитика. В исследовании же к респонденту приходит исследователь, именно он хочет получить от респондента необходимую ему информацию, соответственно, именно он является носителем желания, а значит, если уж применять психоаналитическую идею переноса/контрпереноса, то эмоциональную реакцию исследователя нужно воспринимать скорее как перенос, а не контрперенос [12]. В исследовании С. Маркса и Х. Мених-Маркс [18] применение идеи переноса/контрпереноса более тонкое, но все равно оставляет сомнения. Возможно, идея может быть вполне эвристичной и для ситуации интервью, поскольку она дает приемлемые технологические ориентиры для рефлексии исследователем собственной позиции, однако пока ее применение в исследованиях остается весьма запутанным. Мне представляется, что перенос исследователей в виде одинаковых для них эмоциональных реакций на собеседников и звучащие в интервью темы, как это произошло в исследовании, описанном С. Марксом и Х. Мених-Маркс, можно интерпретировать как проявление общего для них социального бессознательного. Однако вопрос о переносе/контрпереносе в исследованиях требует отдельной работы.

занную с глубинными механизмами привязанности к нацистской идеологии: психологическим фактором, побуждавшим людей поддерживать нацизм, могла быть защита от глубокого бессознательного чувства стыда, связанного как с историческими обстоятельствами поражения немцев в Первой мировой войне, так и с особенностями немецкой культуры, семейного воспитания и т. п.

В логике психосоциальных исследований может быть поставлен вопрос о психологических источниках консервативного поворота в мире, ставший особенно актуальным после победы на выборах Д. Трампа. Почему идеи, проповедуемые циничными консерваторами, получают поддержку? Ведь предлагают они не очень приятные вещи: расизм и сексизм вместо уважения и терпимости, грубость и авторитаризм вместо диалога и т. д. Исследуя жителей одного из самых депрессивных южных регионов США, в наибольшей мере нуждающихся в той социальной поддержке, которая предлагается демократами, и тем не менее упорно голосующих на выборах против них, А.Р. Хохшилд [14] формулирует ряд положений, описывающих психологическое состояние этих людей. «Стена эмпатии» и усталость от сочувствия, отказ эмоционально откликаться на нужды других людей и воспринимать их проблемы — вот то, что выделяет автор. По мнению А.Р. Хохшилд, люди демонстрируют такую реакцию в ответ на чрезмерные идеологические призывы современного мира заботиться о тех, кто уязвим (мигрантах, афроамериканцах, геях и т. п.), хотя собственная уязвимость самих этих людей за последнее время отнюдь не уменьшилась.

У нелиберального истеблишмента есть своя сумеречная зона — то, что оста-

ется в культуре скрытым, несимволизованным. Например, декларируются ценности индивидуальной самореализации и прав личности, но в реальности такая самореализация, как и права, доступна не всем. Декларируется правовой и политический порядок или движение к нему, но за этой иллюзией скрывается великий беспорядок: неопределенность рынка, чудовищное, невиданное прежде расслоение общества, растерянность и незащитность индивида, живущего на условиях прекарности, временной трудовой занятости [2]. В этих условиях дискурс циничного консерватизма — это и напоминание о проблемах, и одновременно попытка излечиться от них. Он как будто срывает фальшивый моральный покров с демократического истеблишмента, выводит в символическое то, что было неявным, — имеющееся неравенство, привилегированное положение одних и угнетенное положение других, эксплуатацию и т. п. Как верно замечает И. Будрайтскис, консерватор говорит о неравенстве, о господстве и подчинении, но говорит крайне цинично, не для того, чтобы их изменить, а для того, чтобы их принять как само собой разумеющееся положение дел [2]. Восприятие привилегированного положения как повода для удовлетворения и возможность хотя бы воображаемого уподобления таким, как Д. Трамп, диктуют позицию поддержки ультраправого дискурса, усиливая положение соответствующих политических сил и отдельных политиков.

Понятия сумеречной зоны, не символизируемого на социальном и культурном уровне, то, что порой обозначают термином «социальное бессознательное», получили развитие в работах немецкого психоаналитика А. Лоренцера

[5; 10], ссылки на которые все чаще звучат в рамках психосоциальных исследований. Вводя понимание социального, коллективного измерения бессознательного, не символизируемого на уровне культуры и общества, А. Лоренцер предлагает теоретический инструментарий, позволяющий отличить психоаналитически ориентированную критическую интерпретацию от клинической работы с бессознательным с ее акцентом на отдельном индивиде и его биографии [4]. В работах Е.Т. Соколовой обосновывается эвристичность клинико-психологического подхода к исследованию социальных явлений [8; 9]. Клиническая интерпретация привносит новый ракурс в рассмотрение социально-психологической проблематики, давая возмож-

ность увидеть в тех или иных явлениях макросоциального порядка симптомы патологии личности, например интерпретировать наблюдающиеся в обществе проявления социального конформизма как один из симптомов пограничной или нарциссической организации личности тех, для кого он характерен. В перспективе идей А. Лоренцера становится возможной и иная встреча клинического с социальным: в том, что обозначается как психическая патология или признаки личностной дефицитарности, можно увидеть признаки символических деструкций на уровне культуры. Именно такой критический аспект психоаналитических интерпретаций в наибольшей мере интересен сторонникам направления психосоциальных исследований.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Альтюссер Л.* Идеология и идеологические аппараты государства [Электронный ресурс] // Неприкосновенный запас. 2011. 3(77). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2011/3/al3.html> (дата обращения: 26.02.2018).
2. *Будрайтскис И.* Об идиотизме и Просвещении: Трамп и Путин как герои цинического консерватизма [Электронный ресурс]. URL: <http://openleft.ru/?p=8448> (дата обращения: 26.02.2018).
3. *Бусыгина Н.П.* Психоаналитические идеи в качественной методологии // Журнал практического психолога. 2013. № 4. С. 133–144.
4. *Бусыгина Н.П.* Ракурсы интерпретации в качественных исследованиях // Вопросы психологии. 2017. № 2. С. 121–133.
5. *Лоренцер А.* Истинность психоаналитического познания: Историко-материалистический набросок / Пер. с нем. под науч. ред. С.Ф. Сироткина. Ижевск: ERGO, 2013. 324 с.
6. *Пфаллер Р.* Эффективность идеологии и возможности искусства: альтюссеррианский подход // Стасис. 2016. Т. 4. № 2. С. 68–97.
7. *Симонова О.А.* Стыд и бедность: последствия для социальной политики // Журнал исследований социальной политики. 2014. Т. 12. № 4. С. 539–554.
8. *Соколова Е.Т.* Утрата Я: клиника или новая культурная норма // Эпистемология & Философия науки. 2014. Т. 41 (XLI). № 3. С. 190–210.
9. *Соколова Е.Т.* Шок от столкновения с социокультурной неопределенностью: клинический взгляд [Электронный ресурс] // Психологические исследования. 2015.

- Т. 8. № 40. С. 5. URL: <http://psystudy.ru/num/2015v8n40/1113-sokolova40> (дата обращения: 26.02.2018).
10. *Bereswill M., Morgenroth C., Redman P.* Alfred Lorenzer and the Depth-Hermeneutic Method // *Psychoanalysis, Culture & Society*. 2010. Vol. 15. P. 221–250. doi:10.1057/pcs.2010.12
11. *Frosh S.* Psychoanalysis Outside the Clinic: Interventions in Psychosocial Studies. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2010. 247 p. doi:10.1007/978-1-137-08211-4
12. *Frosh S., Baraitser L.* Psychoanalysis and Psychosocial Studies // *Psychoanalysis, Culture & Society*. 2008. Vol. 13. P. 346–365. doi:10.1057/pcs.2008.8
13. *Frosh S., Phoenix A., Pattman R.* Young Masculinities: Understanding Boys in Contemporary Society. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2002. 291 p. doi:10.1007/978-1-4039-1458-3
14. *Hochschild A.R.* Strangers in Their Own Land: Anger and Mourning on the American Right. N.Y., London: The New Press, 2016. 353 p.
15. *Hollway W.* Knowing Mothers: Researching Maternal Identity Change. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2015. 216 p. doi:10.1057/9781137481238
16. *Hollway W., Jefferson T.* Doing Qualitative Research Differently: Free Association, Narrative and the Interview Method. London: Sage Publications, 2000. 166 p. doi:10.4135/9781849209007
17. *Jo N.Y.* Psycho-Social Dimensions of Poverty: When Poverty Becomes Shameful // *Critical Social Policy*. 2013. Vol. 33(3). P. 514–531. doi:10.1177/0261018313479008
18. *Marks S., Mönnich-Marks H.* The Analysis of Counter-Transference Reactions Is a Means to Discern Latent Interview-Contents [Электронный ресурс] // *Forum Qualitative Sozialforschung / Forum: Qualitative Social Research*. 2003. Vol. 4(2). Art. 36. URL: <http://www.qualitative-research.net/index.php/fqs/article/view/709> (дата обращения: 26.02.2018)
19. *Stenner P.* Psychosocial: qu'est-ce que c'est? // *Journal of Psycho-Social Studies*. 2014. Vol. 8(1). P. 205–216.
20. *Walkerdine V., Jimenez L.* Gender, Work and Community After De-Industrialisation: A Psychosocial Approach to Affect. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2012. 214 p. doi:10.1057/9780230359192

Psychoanalysis Outside the Clinic: An approach of Psychosocial Studies

N.P. BUSYGINA*,

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia
boussyguina@yandex.ru

In the article a new approach to research called “psychosocial studies” is examined. According to the author historically an alliance of qualitative research methodology with psychoanalysis played a decisive role in the development of psychosocial studies. Psychoanalysis was rethought as a variation of social criticism whose purpose is to understand how power, types of exploitation and other macrosocial features of society affect and are affected by modes of mental and emotional functioning. Examples of psychoanalytic informed psychosocial studies are analyzed. It is shown that psychoanalysis helps to rethink and even to overcome the traditional dualism of psychic and social, of that is “in-here” and that is “out-there”.

Keywords: psychosocial studies, social criticism, qualitative methodology, psychoanalysis, social dimension of the unconscious.

REFERENCES

1. Altyusser L. Ideologiya i ideologicheskie apparaty gosudarstva [Ideology and ideological apparatus of the state]. *Neprikosnovennyi zapas [Inviolable stock]*, 2011. Vol. 3(77). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2011/3/al3.html> (Accessed: 26.02.2018.).
2. Budraitskis I. Ob idiotizme i Prosveshchenii: Tramp i Putin kak geroi tsinicheskogo konservatizma [Elektronnyi resurs]. [On idiocy and Enlightenment: Trump and Putin as heroes of cynical conservatism]. URL: <http://openleft.ru/?p=8448> (Accessed: 26.02.2018).
3. Busygina N.P. Psikhoanaliticheskie idei v kachestvennoi metodologii [Psychoanalytical ideas in qualitative methodology]. *Zhurnal prakticheskogo psikhologa [The journal of practical psychologist]*, 2013, no. 4, pp. 133–144.
4. Busygina N.P. Rakursy interpretatsii v kachestvennykh issledovaniyakh [Variants of interpretation in qualitative research]. *Voprosy psikhologii [Psychology Issues]*, 2017, no. 2, pp. 121–133.
5. Lorentser A. Istinnost' psikhoanaliticheskogo poznaniya: Istoriko-materialisticheskii nabrosok [The truth of psychoanalytic knowledge: A historical-materialistic outline]. Izhevsk: ERGO, 2013. 324 p.

For citation:

Busygina N.P. Psychoanalysis Outside the Clinic: An approach of Psychosocial Studies. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo [Social Psychology and Society]*, 2018. Vol. 9, no. 3, pp. 31–41. doi:10.17759/sps.2018090304 (In Russ., abstr. in Engl.).

* *Busygina Natalia P.* — Ph.D. in Psychology, Associate Professor, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, boussyguina@yandex.ru

6. Pfaller R. Effektivnost' ideologii i vozmozhnosti iskusstva: al'tyusserianskii podkhod [The efficiency of ideology and the possibilities of art: an althusserian account]. *Stasis*, 2016. Vol. 4, no. 2, pp. 68–97.
7. Simonova O.A. Styd i bednost': posledstviya dlya socialnoi politiki [The shame and the poverty: the consequences for the social policy]. *Zhurnal issledovaniia socialnoi politiki [The journal of social policy studies]*, 2014. Vol. 12, no. 4, pp. 539–554.
8. Sokolova E.T. Utrata Ya: klinika ili novaya kulturnaya norma? [Loss of Self: clinical phenomena or new cultural norm?]. *Epistemologiya & Filosofiya nauki [Epistemology & Philosophy of science]*, 2014. Vol. 41(XLI), no. 3, pp. 190–210.
9. Sokolova E.T. Shok ot stolknoveniya s sotsiokulturnoi neopredelennost'yu: klinicheskii vzglyad [Elektronnyi resurs] [Shock as the result of collision with sociocultural uncertainty: clinical approach]. *Psihologicheskie issledovaniia [Psychological studies]*, 2015. Vol. 8, no. 40, p. 5. URL: <http://psystudy.ru/num/2015v8n40/1113-sokolova40> (Accessed: 26.02.2018)
10. Bereswill M., Morgenroth C., Redman P. Alfred Lorenzer and the Depth-Hermeneutic Method. *Psychoanalysis, Culture & Society*, 2010. Vol. 15, pp. 221–250. doi:10.1057/pcs.2010.12
11. Frosh S. *Psychoanalysis Outside the Clinic: Interventions in Psychosocial Studies*. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2010. 247 p. doi:10.1007/978-1-137-08211-4
12. Frosh S., Baraitser L. *Psychoanalysis and Psychosocial Studies*. *Psychoanalysis, Culture & Society*, 2008. Vol. 13, pp. 346–365. doi:10.1057/pcs.2008.8
13. Frosh S., Phoenix A., Pattman R. *Young Masculinities: Understanding Boys in Contemporary Society*. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2002. 291 p. doi:10.1007/978-1-4039-1458-3
14. Hochschild A.R. *Strangers in Their Own Land: Anger and Mourning on the American Right*. N.Y., London: The New Press, 2016. 353 p.
15. Hollway W. *Knowing Mothers: Researching Maternal Identity Change*. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2015. 216 p. doi:10.1057/9781137481238
16. Hollway W., Jefferson T. *Doing Qualitative Research Differently: Free Association, Narrative and the Interview Method*. London: Sage Publications, 2000. 166 p. doi:10.4135/9781849209007
17. Jo N.Y. Psycho-Social Dimensions of Poverty: When Poverty Becomes Shameful. *Critical Social Policy*, 2013. Vol. 33(3), pp. 514–531. doi:10.1177/0261018313479008
18. Marks S., Mönnich-Marks H. The Analysis of Counter-Transference Reactions Is a Means to Discern Latent Interview-Contents. *Forum Qualitative Sozialforschung / Forum: Qualitative Social Research*, 2003. Vol. 4(2). Art. 36. URL: <http://www.qualitative-research.net/index.php/fqs/article/view/709> (Accessed: 26.02.2018).
19. Stenner P. Psychosocial: qu'est-ce que c'est? *Journal of Psycho-Social Studies*. 2014. Vol. 8(1), pp. 205–216
20. Walkerdine V., Jimenez L. *Gender, Work and Community After De-Industrialisation: A Psychosocial Approach to Affect*. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2012. 214 p. doi:10.1057/9780230359192